

Юсупов Айрат Фаикович

ЗАИМСТВОВАННЫЕ ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ЯЗЫКЕ ТАТАРСКИХ СУФИЙСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Статья раскрывает особенности употребления заимствованных арабских и персидских прилагательных в языке татарских суфийских произведений. В языке произведений поэтов-суфиев диалектически взаимосвязаны традиции старотатарского и восточных языков. В них наблюдается сочетание лексических единиц и грамматических элементов тюркских языков с арабо-персидскими. Подобная стилистическая вариативность была традицией поэтического варианта письменно-литературного языка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/10/57.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (28). С. 214-217. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

двух противоположностей то, что он действительно заслуживает. В мире, погрязшем в грехе, человек может спасти себя только сам, беречь тот свет, который изначально есть в нем, и противостоять тотальной темноте окружающей жестокой действительности – в этом святая миссия каждого отдельно взятого человека. Эта идея образует ценностно-смысловое ядро всей концепции произведения. На наш взгляд, данный роман является одним из лучших образцов татарской прозы, в совершенной художественной форме раскрывающих актуальную для современности концептуальную модель.

Список литературы

1. **Кәбиров М.** Берденбер һәм кабатланмас: роман. Казан: Татар. кит. нәшр., 2013. 382 б.
2. **Словарь личных имен** [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/personal_names/4510/ФАТИМА (дата обращения: 23.07.2013).

**CONCEPTUALISM TECHNIQUES IN M. KABIROV'S NOVEL
«БЕРДЕНБЕР ҺӘМ КАБАТЛАНМАС» («THE ONE AND ONLY»)**

Juzmuhametova Landysh Nurgajanovna
Kazan' (Volga Region) Federal University
land_yz@mail.ru

The article considers the functioning of modernism techniques in modern Tatar prose. Forms and peculiarities of conceptual constructions in the Tatar texts are analyzed particularly by example of M. Kabirov's novel «Берденбер һәм кабатланмас» («The One and Only») (2004-2005). During the analysis the author highlights the symbiosis of traditional Tatar artistic features and notions with postmodernism innovations as well as the associative links and a dialogue of different cultural patterns. In the research an attempt is made to uncover such cultural phenomenon as conceptualism by example of modern national literature.

Key words and phrases: postmodernism; concept; conceptualism techniques; conceptual construction; modern Tatar prose; dialogue of cultures; associative links.

УДК 81'38;801.6;811.512.145

Филологические науки

Статья раскрывает особенности употребления заимствованных арабских и персидских прилагательных в языке татарских суфийских произведений. В языке произведений поэтов-суфиев диалектически взаимосвязаны традиции старотатарского и восточных языков. В них наблюдается сочетание лексических единиц и грамматических элементов тюркских языков с арабо-персидскими. Подобная стилистическая вариативность была традицией поэтического варианта письменно-литературного языка.

Ключевые слова и фразы: суфизм; язык; история языка; суфийская поэзия; имя прилагательное; заимствования; лексика.

Юсупов Айрат Фаикович, к. филол. н., доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
faikovich@mail.ru

**ЗАИМСТВОВАННЫЕ ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ
В ЯЗЫКЕ ТАТАРСКИХ СУФИЙСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ©**

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 12-14-16005а.

На протяжении многих веков тюркский письменно-литературный язык оснащался большим количеством инородных лексических единиц и грамматических элементов. «При употреблении норм литературного языка происходила своеобразная дифференциация: поэтические произведения сочинялись в «возвышенном» поэтическом стиле и они были предназначены для «элиты» общества, в чей синтез входили ученые (голяма), религиозные деятели и поэты-суфии, большинство которых обучалось в Средней Азии и в арабских странах, которые в совершенстве владели арабским и персидским языками» [5, с. 7-8]. Значительное количество арабо-персидских заимствований связано, в первую очередь, с литературной средой того периода и классическими поэтическими приемами, т.е. требованиями рифмы, метрики, особенностями поэтической речи. Эта особенность характерна и для языка произведений поэтов-суфиев. Как было отмечено, «роль суфизма в средневековой татарской культуре проявляется и в развитии старотатарского литературного языка» [6, с. 222].

Лексика произведений поэтов-суфиев по своему генетическому составу делится на тюрко-татарскую и заимствованную лексику. Значительную часть иноязычной лексики исследуемых текстов составляют арабские и персидские заимствования. Как показало исследование, активными и продуктивными являются те заимствования, которые относятся к именам прилагательным.

Среди заимствованных слов в языке суфийской поэзии зафиксированы *арабские имена прилагательные*. Под названием прилагательные «качества», «свойства» или «описания», «характеристики», в арабских грамматиках фигурируют слова, обозначающие более или менее постоянное свойство или признак «описываемого» слова, с которым прилагательное находится в атрибутивной связи [1, с. 262].

В арабском языке не всегда можно провести четкую границу между именем существительным и прилагательным. Как отмечают арабские исследователи, имя прилагательное в арабском языке не может быть выделено как особая часть речи, так как не имеет никаких отличительных морфологических признаков, противопоставленных к склонению имени существительного. Слова, являющиеся по своим лексическим значениям в других языках прилагательными, в арабском языке могут обозначать или качество, или предмет [Там же, с. 117]. Имена прилагательные в арабском языке образуются от глагола. Качественные прилагательные можно разделить на следующие виды: отглагольные прилагательные, причастие действительного залога и причастие страдательного залога. Отглагольные имена прилагательные в арабской грамматике называют *квазипричастиями*. Такая аналогическая грамматическая форма в татарском языке по своим функциям приравнивается к качественным прилагательным.

Моделей образования арабских отглагольных прилагательных несколько. В языке произведений поэтов-суфиев, как видно из примеров, используются прилагательные, образованные по модели *فَعِيل* (фег'ил). Прилагательные, образованные по данной модели, употребляются как в простом, так и в усиленном значении: *гариб* «инвалид, чужой», *бегъид* «далекий», *рехим* «милосердный», *зелил* «презренный», *захир* «открытый», *гъефифе* «чистая».

Как известно, заимствованные квазипричастия функционируют в татарском языке в качестве прилагательного, т.е. в чужом языковом пространстве они субстантивируются и выступают в функции существительного. В исследуемых текстах же заимствованные арабские прилагательные в предложении могут примыкать к имени существительному и выступать в качестве определения. Например: *бен ходаньң бер гариб, гасый-у жафи колы мен* [4, с. 87] (чужд я богу, раб я, мучаю его) (*здесь и далее перевод наш – А. Ю.*).

Арабские квазипричастия с синтаксической точки зрения выполняют и функцию сказуемого. Например, *зелил* «презренный»: *бабыңа килдем мен зелил* [Там же, с. 133] (пришел к твоей двери презренный я).

В языке суфийских поэтических произведений заимствованные арабские и персидские прилагательные участвуют в основном в формировании составного именного сказуемого, которое образуется на основе простого и сложного именного сказуемого путем присоединения к ним различных вспомогательных слов, выражающих различное грамматическое значение [2, с. 169]. Употребление заимствованных прилагательных характеризуется тем, что арабские основы, как и персидские, часто выступают в качестве именной части составных глаголов, а в качестве вторых компонентов составного именного сказуемого выступают тюрко-татарские вспомогательные глаголы *улу*, *булу*, *эйлеу*, *кыйлу*. Например, *захир* «открытый»: *сарри егъйаре захир эйлемеклек хемакеттер диделер аны эбрар* [4, с. 108] (открыть секреты другим – это глупость, сказали святые).

В исследуемых поэтических произведениях, как и тюркские имена прилагательные, арабские квазипричастия субстантивируются, выполняют функцию существительных и склоняются по падежам, изменяются по числам и принимают аффиксы принадлежности – *фекыйрь* «бедный», *гани* «богач, богатый»: *йулында счен ганинең – бен фекыйрең* [Там же, с. 90] (перед тобой, богач, я есть бедный).

В зависимости от контекста и синтаксической связи некоторые арабские прилагательные в рамках одного предложения могут выступать как в качестве прилагательного, так и в качестве существительного. Такое явление наблюдается и в арабском языке: *غريب* – *гариб* «инвалид; чужой», *غني* *гани* «богач; богатый», *فقير* – *фекыйрь* «бедняк; бедный».

Арабские прилагательные могут употребляться и в сравнительной степени, тогда значение сравнительной степени выражается и при помощи заимствованных из арабского языка прилагательных – *еуле* «лучше»: *вирде дерде еуле* [Там же, с. 84] (дал сильное желание).

Кроме того, в языке суфийских произведений в качестве прилагательного активно употребляются *арабские причастия*. В арабском языке выделяются два вида причастий: причастия действительного и страдательного залога.

В исследуемых нами текстах арабские причастия, употребляемые в роли прилагательного, не выражают значения времени, что отличает их от тюркских причастий. Обозначая нечто временное, преходящее, тем не менее они не связаны с отношением к определенному моменту времени действия. В арабском причастии нет форм для различных времен, они одинаково могут быть отнесены к любому времени в зависимости от времени глагола данного предложения. Это сближает причастия с прилагательными [1, с. 262].

В исследуемых текстах чаще всего употребляются причастия действительного залога и используются активнее, чем в современном татарском языке. Например: *жаһил* «неграмотный, невежественный», *жафи* «мучающий», *фани* «старый, ветхий», *гасый* «грешный; грешник», *гали* «выдающийся, высокий», *вахид* «один, одинокий», *бакый* «вечный». Большинство арабских причастий действительного залога адъективированны и выполняют в предложении функцию имени прилагательного: *бу фани ефлере вайран кылубен* [4, с. 85] (сломаю эти ветхие дома).

Как известно, в тюркских языках категория рода отсутствует. А в арабском языке существуют два грамматических рода: мужской и женский. Заимствованные имена прилагательные в текстах согласуются с определяемыми существительными в грамматическом роде. Нами зафиксированы случаи, когда имена прилагательные стоят в женском роде: *zahide* «набожная, святая» – *херименде беттедер назнин хел сетири ве гафифе, zahide ul* [Там же, с. 121] (в твоём саду вырос красивый цветок, прикрытый и чистый, святой он). В рамках контекста цветок символизирует девушку, поэтому автор целесообразно употребляет прилагательное женского рода.

Причастия страдательного залога выступают в функции прилагательного реже, чем причастия действительного залога. Нами зафиксированы лишь следующие примеры – *местегни* «не нуждающийся», *мемнун* «довольный, признательный»: *сехбете солхан иле мемнун сен, бен кеби ефлендеден местегни сен* [Там же, с. 124] (ты доволен мирным общением, не нуждаешься в жалком человеке).

В языке суфийских произведений употребляются заимствованные непроизводные и производные персидские прилагательные. Сложные прилагательные, образованные от нескольких основ, нами не зафиксированы. Отмечены следующие непроизводные прилагательные: *абад* «благоустроенный», *шад* «радостный», *дур* «далекий», *гемрах* «испорченный», *тели* «пустой», *шерменде* «опозоренный, пристыжённый», *азат* «свободный», *саисте* «достойной», *хар* «униженный, низкий», *зиит* «неприглядный, некрасивый», *ширин* «сладкий», *зиба* «стройный», *зебун* «слабый». Например: *ширин келам, сейле, телеңең бариде* [Там же, с. 99] (говори сладкие слова, пока владеешь языком).

В текстах употребляются производные прилагательные, образованные при помощи префиксов *би* и *на*. Самым производным является префикс *би*, который, присоединяясь к словообразующей основе, указывает на отсутствие качества и свойства в образованных прилагательных: *бичара* «несчастный», *биарам* «неспокойный», *биссеб* «без причины», *бихисаб* «бессчётный», *бимар* «больной», *бирайа* «подходящий», *бигане* «чужой», *бихозур* «невеселый», *биинсаф* «невоспитанный», *бихисаб* «бесчисленный» и т.д.

Префикс *на*, сочетаясь с именем прилагательным, указывает на отсутствие того или иного качества или свойства: *набикер* «безработный», *надан* «неграмотный», *наемид* «безнадежный».

Персидские заимствованные имена прилагательные, выступая в качестве определения, присоединяются к определяемому и употребляются при этом как согласованные определения: Например, *биинсаф* «невоспитанный»: *ийтмеш еч миллетде улмаз быйле, биинсаф улан* [Там же, с. 111] (в семидесяти трех нациях не найдешь такого невоспитанного сына).

Как известно, в персидском языке имена прилагательные при выполнении функции определения следуют после определяемого слова и присоединяются к нему с помощью изафетного показателя *-э (и)*. В отличие от тюркских языков, в персидском языке согласованное определение, выраженное именем прилагательным, присоединяется также при помощи изафета и составляет с определяемым изафетное сочетание, которое является характерной особенностью персидского языка: *саисте* «достойный» – *жанни саистеи жанан идер, жанан идер* [Там же, с. 83] (душу сделает, достойную возлюбленной, сделает возлюбленной).

Персидские имена прилагательные, выступая в функции прилагательного, могут присоединять тюркский аффикс сравнительной степени *-рак/-рек*: *бу икенең арасында белки будыр бедраке* [Там же, с. 111] (между этими двумя это, возможно, хуже).

В языке суфийской поэзии персидские имена прилагательные выполняют и функцию сказуемого: *бигане* «чужой» – *адемиге ошбу лезетлернеммебиганедер* [Там же, с. 105] (человеку наслаждения все эти чужды).

Заимствованные персидские прилагательные в татарском языке субстантивируются и изменяются по падежам и числам, принимают аффиксы принадлежности. Например, *бичара* «несчастный»: *ченки бенем бу жиһанда бенделербичарасы* [3, с. 417] (потому что в этом свете я несчастный человек).

Как и арабские квазипричастия, персидские имена прилагательные со вспомогательными глаголами активно участвуют в формировании составного именного сказуемого. В этих конструкциях вторыми словообразующими компонентами выступают такие тюрко-татарские вспомогательные глаголы, как *булу*, *кыйлу*, *ейлеу*, *улу*. Например, *зебун* «слабый»: *не гьерлекдер зебун улмак бу дошман илкеде* [Там же] (как обидно быть слабым в этой вражеской стране).

Исходя из результатов исследования, заимствованную лексику суфийских произведений можно подразделить на две группы:

1) арабские и персидские имена прилагательные, которые активны в современном татарском языке. Они употребляются уместно, заимствования такого рода обогащают лексику языка и его выразительность. Например: араб. *фехыйр* «бедняк; бедный», *релим* «милосердный», *фани* «старый, ветхий», *гали* «выдающийся, высокий», *бакый* «вечный»; перс. *бичара* «несчастный», *надан* «неграмотный», *шад* «радостный» и т.д.;

2) арабские и персидские имена прилагательные, которые являются пассивными или неупотребительными в современном татарском языке: араб. *бегид* «далекий», *зелил* «презренный», *захир* «открытый», *гасый* «грешный; грешник»; перс. *бигане* «чужой», *набикер* «безработный», *дур* «далекий» и т.д.

Таким образом, в языке произведений поэтов-суфиев диалектически взаимосвязаны традиции старотатарского и восточных языков. В них наблюдается вариативное и синонимичное употребление тюрко-татарских и арабо-персидских прилагательных. Прилагательные арабского происхождения образованы в основном по модели *фегыл*. Они субстантивируются, а также участвуют в формировании составного именного сказуемого. Производные персидские прилагательные образованы при помощи префиксов *би* и *на*. С точки зрения синтаксической функции заимствованные прилагательные в основном являются определением или сказуемым, а в субстантивированных случаях могут выполнять и все остальные синтаксические функции. Подобная стилистическая вариативность являлась традицией поэтического варианта письменно-литературного языка.

Список литературы

1. Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М.: Изд-во вост. лит., 1963. 594 с.
2. Татарская грамматика: в 3 т. Казань: Татар. кн. изд-во, 1995. Т. 3. Синтаксис. 582 с.
3. Фехретдинов Р. Асарь. 13 жөзье. 2 нче жилд. Оренбург, 1907. 422 б.
4. Шәмсетдин Зәки шигырьләре / Төз. Зиннәтулла Мөхәмәтрәхими. Башкортстан Фәннәр академиясенә Уфа тарих, тел һәм әдәбият институты гыйльми архивы. Ф. 3. Т. 63.
5. Юсупов А. Ф. Морфологические особенности языка произведений суфийского поэта I половины XIX века Шамседина Заки: дисс. ... к. филол. н. Казань, 2004. 226 с.
6. Юсупов А. Ф., Юсупова Н. М. Суфизм в средневековой татарской культуре: роль, особенности и модели мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 5. С. 219-222.

BORROWED ADJECTIVES IN THE LANGUAGE OF TATAR SUFI WORKS

Jusupov Ajrat Faikovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kazan' (Volga Region) Federal University
faikovich@mail.ru

The article analyses the peculiarity of using borrowed Arab and Persian adjectives in the language of Tatar Sufi works. In the language of works by the Sufi poets the old Tatar and Oriental language traditions are interdependent. The combination of lexical and grammar items from the Turkic languages and Arab-Persian ones is evident. A similar stylistic variation was traditionally a poetic variant of the written literary language.

Key words and phrases: Sufism; language; history of language; the Sufi poetry; adjective; borrowings; vocabulary.

УДК 82:801.6

Филологические науки

Статья раскрывает особенности символизма в татарской поэзии начала XX века с точки зрения многообразия представленных в ней культурных пластов на материале произведений Дардменда. Научная новизна определяется иным подходом к изучению символистских произведений: на основе «диалога» культурных пластов в рамках одного стихотворения выявляются основные особенности символизма в национальной поэзии, а также интертекстуальные связи, существующие в татарской литературе данного периода.

Ключевые слова и фразы: символизм; символ; синтез; диалог; культурные пласты; философия; суфийская поэзия.

Юсупова Нурфия Марсовна, к. филол. н., доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
faikovich@mail.ru

**СИНТЕЗ РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ПЛАСТОВ В СИМВОЛИЗМЕ У ТАТАР
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДАРДМЕНДА)©**

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 12-14-16015а.

Эстетика символизма – искусство синтетическое, стремление к синтезу, его программность в литературе символизма является ее типологической особенностью. Синтез в общетеоретическом плане обосновывался как синтез разума и интуиции, как синтез различных культурных начал, виделся принципом «единства культур» человечества: соединением начал фольклора, мусульманского Востока и христианского Запада, наконец, синтезом разных известных истории мировой литературы художественных форм и «систем» [7, с. 25]. В «диалоге» культурных начал и пластов в рамках одного литературного течения ярко проявляются национальные традиции, а также взаимосвязи с другими литературами и интертекстуальные связи, существующие в литературе. Как замечает Г. И. Федоров, «национальные словесные культуры не заполняют приготовленные кем-то эстетические ниши, они вырабатывают определенные традиции в соответствии с внутренними потребностями» [9, с. 3].

В начале XX века процесс развития и совершенствования национальной литературы в целом характеризуется смешением, переплетением традиций татарской литературы Средневековья, восточной литературы с достижениями искусства слова и литературно-философской мысли Запада [3, с. 56-57]. Развитие символизма также шло под знаком не только его решительного обновления, «модернизации» форм, творческих экспериментов и новаций, но одновременно – и «возврата» к первоисточкам, восстановления и расширения общекультурных оснований творчества, стремления приживить «дичок» современной художественной мысли к древним началам национальной и мировой культуры, о чем свидетельствуют различные культурные пласты в символистских произведениях данного периода.